

ОСОБЕННОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ В АЗИИ И АФРИКЕ В КОНЦЕ 2010-х – НАЧАЛЕ 2020-х ГОДОВ

© 2022 г. В. С. Мирзеханов^{a,b,*}, Ф. О. Трунов^{b,**}

^aИнститут всеобщей истории РАН, Москва, Россия

^bИнститут научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

*E-mail: lum62@yandex.ru

**E-mail: Itrunov@mail.ru

Поступила в редакцию 20.04.2022 г.

После доработки 13.06.2022 г.

Принята к публикации 10.09.2022 г.

На фоне развития современных холодных войн проблема урегулирования региональных вооружённых конфликтов отнюдь не потеряла актуальности. Авторы статьи ставят своей целью выявить закономерности развития всплеск организованного насилия и противодействия этому в современных условиях на примере ситуации в северной части Африки, на Ближнем и Среднем Востоке. Методологически публикация представляет собой попытку актуализировать ряд теоретических положений конфликтологии с учётом вновь возникающих реалий. Особое внимание обращено на тенденцию национализации урегулирования, то есть управление им властями и силами безопасности страны происхождения конфликта. Данный процесс с выявлением общих и отличительных закономерностей анализируется на примере ситуации в Сирии, Ираке, Ливии, Мали, Афганистане. Ставится вопрос о практической взаимосвязи развития вооружённых конфликтов и конфронтаций с участием Евро-Атлантического сообщества и России, США, группы их государств-партнёров и КНР. Формулируются выводы о возможных путях преодоления всплеск организованного насилия, в том числе с участием внешних сил, в реалиях вновь возникающего миропорядка.

Ключевые слова: национализация, миротворчество, поддержание мира, международный терроризм, стабильность.

DOI: 10.31857/S0869587322120064

К числу факторов формирования перспективного миропорядка, безусловно, относятся совре-



МИРЗЕХАНОВ Велихан Салманханович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИВИ РАН; заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН. ТРУНОВ Филипп Олегович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

менные холодные войны, одна из которых развивается между Евро-Атлантическим сообществом и Россией, другая – между США, группой их государств-партнёров и Китаем. При бесспорной значимости каждой из данных конфронтаций едва ли можно утверждать, что только ими ограничивается набор *конституирующих* мировой порядок элементов. К ним следует также отнести сохраняющиеся очаги нестабильности, то есть зоны, где продолжают развиваться всплески организованного насилия. Значительное их число расположено в северной части Африки, на Ближнем и Среднем Востоке – на достаточно существенном расстоянии от линий разделения сторон-участниц новой холодной войны.

Усиление напряжённости между крупными державами и их объединениями реактуализирует значимость классических вызовов безопасности и обороны, содержащих в себе военную составляющую (в той или иной форме). Однако это отнюдь не означает исчезновения многочисленных

неклассических угроз, проецируемых из зон нестабильности в сторону самого широкого круга международных игроков, в том числе тех, развитие которых признаётся весьма устойчивым и благополучным. Данная группа рисков может содержать как военную компоненту (теракты, повстанческие действия и регулярные боевые операции незаконных вооружённых формирований), так и невоенную (массовое неконтролируемое перемещение беженцев, контрабанда сырья или антиквариата), а их источниками часто выступают негосударственные акторы — прежде всего структуры международного терроризма [1].

В начале 2020-х годов положение этих возбудителей напряжённости в сопоставлении с серединой 2010-х — временем кульминации успехов запрещённого у нас в стране “Исламского государства” на сирийско-иракском направлении — было двойственным. С одной стороны, с точки зрения количественных показателей (численность боевиков, площадь подконтрольных территорий) радикальные незаконные вооружённые формирования (НВФ) в целом далеки от того, чем они располагали 7–8 лет назад. С другой — наблюдается весьма опасная тенденция восстановления их потенциала. Четвёртое поколение группировок международного терроризма, ключевым примером которого стало “Исламское государство”, стремилось и будет продолжать пытаться не просто создавать “серые” зоны на политической карте мира, но и отстаивать альтернативные проекты выстраивания институтов власти [2].

Радикальным НВФ неоднократно наносились поражения вплоть до очень тяжёлых (наиболее успешной представляется деятельность триумвирата Российской Федерации — правительства Сирийской Арабской Республики — Исламской Республики Иран на сирийском направлении с осени 2015 г.; в то время деятельность здесь II западной антитеррористической коалиции была наименее результативной) [3, с. 146–149]. Однако задача их полного разгрома на практике остаётся нерешённой. В результате априори сохраняется потенциальное окно возможностей для восстановления потенциала, перегруппировки, последующей активизации сил боевиков. Этому способствует вступление структур международного терроризма в симбиотические связи с силами организованной преступности, что облегчает теневой трафик различных грузов [4, с. 5, 6]. Наблюдаются первые признаки потенциального сращивания НВФ с коррумпированными элементами системы государственной власти, особенно в условиях социально-экономических трудностей, порождаемых пандемией COVID-19 [5]. В случае полномасштабного развития данная тенденция будет означать появление нового — пятого — поколения террористических группировок [3] как

мощной преграды на пути формирования сбалансированного миропорядка.

Мы ставим перед собой задачу выявить характерные черты вооружённых конфликтов и возможности их прекращения в Азии и Африке применительно к рубежу 2010–2020-х годов. Особое внимание обращено на влияние фактора “холодных войн” на исследуемые процессы. В качестве реальных случаев для анализа выбраны конфликты в Мали, Ливии, Сирии (в увязке с ситуацией в Ираке) и Афганистане, так как применительно к ним с целью управления ситуацией предпринимаются особые усилия со стороны внешних игроков, прежде всего государств-членов и институтов Евро-Атлантического сообщества. Методологически данное исследование нацелено на уточнение некоторых текущих особенностей управления и урегулирования конфликтов [6, 7] с учётом актуальных тенденций развития мирополитического ландшафта.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА УРЕГУЛИРОВАНИЯ: НОВОЕ “СТАРОЕ” ЯВЛЕНИЕ?

В начале 2020-х годов на ряде направлений — прежде всего на Среднем Востоке и в Западной Африке — наблюдался выход на внутривнутриполитическую арену сил, утвердившихся у власти вооружённым путём; они стремились полностью взять на себя процесс урегулирования, особенно вопросы антитеррористической профилактики. Так, в Мали и Буркина-Фасо военные из числа правительственных войск временно арестовали и оттеснили от власти гражданскую администрацию (в Мали между августом 2020 г. и маем 2021 г. это произошло дважды). В Афганистане местный “Талибан”, будучи вооружённой оппозиционной силой, повёл успешное наступление весной–летом 2021 г., заняв Кабул и установив контроль практически над всей страной.

Логика прекращения каждого вооружённого конфликта обуславливает на его завершающей стадии возложение ответственности за обеспечение мира и правопорядка на органы управления и силы безопасности страны происхождения конфликта, что означает её переход к нормальному (постконфликтному) развитию. Комплекс шагов в этом направлении уместно обозначить термином *национализация урегулирования*. Производное данного понятия — “вьетнамизация” — было впервые использовано администрацией Р. Никсона для обозначения переложения ответственности за ситуацию в Южном Вьетнаме на официальный Сайгон и его вооружённые силы; термин приобрёл негативную коннотацию в странах Запада и отчасти в мире в целом [8, с. 709–761]. Вместе с тем именно вьетнамизация конфликта в итоге стала едва ли не основным фактором его

окончания (под названием Второй, а затем и Третьей индокитайской войн), перехода объединившейся страны к устойчивому развитию.

Национализация урегулирования неизбежна уже потому, что её отсутствие будет свидетельствовать о неспособности государства как института бороться за выживание на территориях, образующих общность. Это ни в коей мере не означает отрицания значимости международного участия в урегулировании, в том числе военных усилий – в форме силовых операций, де-юре небоевой деятельности по миротворчеству и поддержанию мира. Однако полномасштабный комплекс таких мер, особенно связанных с использованием войсковых подразделений и частей, в идеале должен продолжаться несколько лет, максимум десятилетие–полтора. В противном случае возникает и развивается эффект навязанного иностранного присутствия, обычно весьма болезненно воспринимающийся местным населением, а часто и представителями силовых ведомств. Ещё более важен другой аспект этой проблемы: чрезмерное затягивание фазы оказания внешней военной помощи (в виде сохранения на территории контингентов личного состава из боевых частей и подразделений) де-факто закрепляет неспособность государства происхождения конфликта самостоятельно решать стоящие перед ним проблемы в области безопасности и обороны.

Из общего правила бывают исключения, когда международное военное присутствие объективно должно быть растянутым во времени – вплоть до нескольких десятилетий. Это те случаи, когда требуется заморозка вооружённого конфликта. Однако тогда речь идёт не обо всех территориях, образующих страну происхождения конфликта, а о её малой части – линии разделения противоборствующих сил, имеющей обычно ширину в несколько километров. Примерами такого применения миротворцев являются миссии: ООН – на Голанских высотах (после окончания боевых действий на сирийском направлении арабо-израильской войны 1973 г.), Российской Федерации – в зоне размороженного (2020) конфликта в Нагорном Карабахе по просьбе Азербайджана и Армении. Исключением представляется нахождение в стране конфликта групп военных инструкторов и советников, которые не составляют войсковых подразделений и частей. Однако в данном случае обязательным условием должна быть легитимность применения этого типа военного инструментария – не только наличие оформленных просьбы или согласия официальных властей страны, но также *действенный* вклад в противостояние радикальных НВФ.

Войсковое присутствие внешних участников в ходе национализации урегулирования и по его окончании может быть сохранено, если транс-

формируется из миротворческого (размещённого на обширных площадях) в военные базы, сконцентрированные на конкретных, относительно небольших по площади объектах. Разумеется, последнее не отменяет проведение совместных учений, в том числе создание временных, ротационных или постоянных группировок совместных сил, что представляет собой реалию уже мирного (после полного исчезновения очага нестабильности) времени, означая переход к союзу или как минимум стратегическому партнёрству. Переформированные таким образом войсковые силы де-факто, а часто и де-юре являют собой одну из гарантий (не только в военном, но и в политическом отношении) безопасности страны, перешедшей к постконфликтной стадии развития.

Первым примером в реалиях вступления миропорядка в постбиполярную эпоху стало размещение 201-й российской военной базы (ВБ) в Таджикистане после окончания там гражданской войны (1992–1997). После “августовской войны” (2008), когда Россия провела операцию по принуждению к миру официального Тбилиси, на территории Абхазии была создана 7-я ВБ, Южной Осетии – 4-я (позднее 4-я гвардейская) ВБ ВС РФ. В Сирии российская сторона к концу 2010-х годов сосредоточила своё войсковое присутствие в основном на объектах в Латакии (база с аэродромом “Хмеймим”) и Тартусе (пункт материально-технического обеспечения ВМФ России). Тогда ещё не были разгромлены радикальные НВФ: на рубеже 2010–2020-х годов их остатки сконцентрировались в сирийской провинции Идлиб [3]. Чем в таком случае объяснялось решение об обращении к военным базам как доминирующей форме использования сил?

На этапах активного подключения России к антитеррористической борьбе её вклад на сирийском направлении состоял в использовании потенциала Воздушно-космических сил и ВМФ, то есть не предполагал сколько-нибудь масштабного использования наземных сил. Дело в том, что в отличие от Афганистана в 2001 г. или Мали в 2012–2013 гг. национальные силы, ведущие борьбу с НВФ, – в случае Сирии это регулярная армия и проправительственные ополчения – сумели в условиях тяжёлой гражданской войны (борьбы на истощение) сохранить минимально необходимый количественный и качественный потенциал. Дипломатически этому способствовало успешное урегулирование военно-политического кризиса вокруг Сирийской Арабской Республики (САР) в августе–сентябре 2013 г., когда её власти были бездоказательно обвинены в применении химического оружия: Российская Федерация инициировала уничтожение арсенала сирийского оружия массового поражения под международным контролем [9], тем самым предупредив нанесение мощных воздушных ударов “коалицией

желающих” во главе с США. Реализация такого сценария оказала бы разрушительное воздействие на силы безопасности официального Дамаска, и без того ослабленные, что означало бы ликвидацию барьеров на пути наступления “Исламского государства” и союзных ему радикальных НВФ. Умеренная оппозиция в Сирии не была способна остановить и тем более пресечь их дальнейшее усиление, что резко усугубило масштаб и качество миграционного кризиса в ЕС в 2015–2016 гг. и тесно связанного с ним роста террористической активности на территории объединения (2015–2017). Задача, для которой была создана II западная антитеррористическая коалиция, — нанесение поражения ИГ на сирийско-иракском направлении — в реальности оказалась решена объединением усилий РФ, правительства Сирии и Ирана. Их успехи, уже в 2015–2017 гг. приведшие к резкому ослаблению ИГ, стали ещё одной причиной сосредоточения российских сил в составе военных баз. Причём данная форма оказалась гибкой: военные базы по мере необходимости использовались для дальнейшего ослабления потенциала незаконных вооружённых формирований, особенно в Идлибе.

СТРАНОВЫЕ СХЕМЫ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Сохранение вполне боеспособного ядра правительственных сирийских сил отменяло необходимость развёртывания международных миротворческих контингентов: решение задач по обеспечению правопорядка было и продолжало лежать прежде всего на регулярных войсках и ополчении официального Дамаска, опиравшегося на помощь Ирана (прежде всего по линии Корпуса стражей исламской революции — КСИР) и России. В данную тенденцию в полной мере вписывалась логика рациональной (с точки зрения количественной ограниченности и эффективности использования оборонного потенциала РФ) поддержки сирийского народа. Соответственно, случай Сирии представлял собой редкий успех ранних (не запоздалых) попыток перехода к национализации процесса урегулирования.

С ведущим участием стран Запада, их региональных партнёров на Ближнем Востоке был создан ряд многосторонних площадок — “Группа друзей Сирии” (с 2012 г.; наиболее активна до 2015 г.), а затем “Малая группа” по Сирии (с 2018 г.). Представляя собой механизмы поддержки умеренной оппозиции, эти форматы не стали действительно значимыми в процессе практического урегулирования. Трансформируясь (“Женева-1”, “Женева-2” и т.д.), более результативным оказался межсирийский диалог при международной поддержке в Швейцарии. Существенную роль в поиске путей урегулирования сыграл “Астанин-

ский формат” с ключевой ролью России, Ирана и Турции [7], который во многом обеспечил успех официального Дамаска в деле стабилизации и успокоения большинства территорий САР в конце 2010-х годов. Несмотря на заметные результаты, процесс урегулирования ещё не завершён ни территориально (учитывая неподконтрольность властям Сирии провинции Идлиб в турецкой зоне деэскалации, куда отошли отряды радикальных НВФ и “умеренной” оппозиции), ни институционально. Последнее означает создание существенно обновлённой политической архитектуры Сирии с закреплением в ней представительства действительно умеренной сирийской оппозиции [3]. Для последней необходимость диалога с действующими властями САР становится всё более очевидной, поскольку именно они оказались способны противостоять натиску ИГ и дружественных ему сил. В случае умеренной оппозиции часть военизированных формирований (в частности, ряд отрядов “Свободной сирийской армии” в Идлибе) не смогла избавиться от влияния радикальных НВФ вплоть до сраживания с ними.

Попытки реализовать схему национализации урегулирования, внешне похожую на сирийскую, активно предпринимались в Ираке. Отправной точкой этого процесса, на наш взгляд, следует рассматривать не начало деятельности II западной антитеррористической коалиции (осень 2014 г.), но достижение успехов объединения РФ, официального Дамаска и ИРИ на территории Сирии. ИГ в 2013–2015 гг. наступало в две стороны от района сирийско-иракской границы — на запад и восток—северо-восток, то есть имело логику, обратную физическому закону сообщающихся сосудов. Соответственно, резкое ослабление боевиков ИГ и дружественных ему группировок на сирийском театре военных действий сопровождалось вынужденной переброской туда отрядов НВФ с севера Ирака, что во многом обеспечило саму возможность наступления курдских пешмерга и войск официального Багдада, которые поддерживались в военном плане большой группой государств-членов и партнёров НАТО. Однако по сравнению с Сирией степень готовности Ирака к национализации урегулирования в реальности оказалась существенно ниже. Так, не удалось достичь точки невозврата в деле ослабления террористических группировок в конце 2010-х годов. “Исламское государство” вновь смогло резко активизироваться, перейдя от преимущественно регулярных к повстанческим действиям [10, S. 6–8]. На этом фоне происходит фактическое усиление влияния Ирана на ситуацию в Ираке, что весьма негативно воспринималось США и странами-участницами Евро-Атлантического сообщества в целом, в частности потому, что предполагало возможность их замещения ведущими западными игроками (в данном случае Ираном). В наиболее

полной мере это наблюдалось на сирийском направлении в середине 2010-х годов: интенсивность усилий (в основном воздушных бомбардировок) II западной антитеррористической коалиции в условиях начала действий ВКС РФ в сотрудничестве с КСИР ИРИ и силами официального Дамаска резко сократилась с последующим выводом наземных сил США с курдского севера [11]. Причём, как уже подчёркивалось, замещение государств-членов Евро-Атлантического сообщества незападными державами оказалось весьма результативным с точки зрения эффективности антитеррористических усилий. Подключение Ирана к такой борьбе на территории Ирака, особенно на севере, потенциально существенно ослабляет ИГ. Однако жёсткость конкуренции Ирана и стран Запада здесь намного больше, чем в случае Сирии, что мешает противодействию общей террористической угрозе.

Ещё более значимыми препятствиями на пути национализации поиска путей обеспечения мира и безопасности в Ираке являются застарелый характер конфликта и тесно связанное с этим фактическое разделение территории страны на три части: юг, населённый иракцами-шиитами, суннитский центр и север с преобладающим курдским населением, тяготеющим к предельно возможной самостоятельности. Как известно, в сентябре 2017 г. был проведён референдум о независимости иракского Курдистана. Несмотря на положительный итог голосования, данное решение не получило международной поддержки, а потому не было реализовано, однако глубокие противоречия сохраняются. Дистанцирование друг от друга пешмерга и правительственных войск официального Багдада, особенно после перехода под контроль властей очищенного от боевиков ИГ Мосула, сохраняется; не помогают и стимулирующие меры стран Запада по их сближению (в частности, наличие единых лагерей подготовки и единый канал предоставления вооружений и предметов военного снабжения) [10, S. 8–10]. Дестабилизация Ирака началась в ходе и по окончании полномасштабной военной кампании “коалиции желающих” во главе с США и Великобританией (март–май 2003 г.). Режим С. Хуссейна был авторитарным по своей природе, однако в данном случае произошла подмена понятий: официальный Багдад, обвинённый в разработке оружия массового поражения (что в итоге не было доказано) и тесных связях с террористическими группировками (также не имело места), из мнимого источника угроз нестабильности после операции 2003 г. превратился в экзистенциальный [12, с. 102–104]. Фактический распад страны на три части сопровождался появлением на территории Ирака “Исламского государства” (с 2006 г.) – сначала под названием “ИГ Ирака”, затем ИГИЛ (то есть включая в предполагаемую

зону ответственности уже весь Левант), и наконец, в условиях географического прилегания зон вооружённых конфликтов в самом Ираке и Сирии, – “Исламского государства”, иначе говоря, международной террористической структуры с глобалистскими устремлениями [2].

В нашем понимании вооружённый конфликт представляется возможным назвать застарелым при условии его активного развития, то есть деградации или как минимум стагнации ситуации в смысле улучшения с обеспечением внутренней безопасности на протяжении более чем 10 лет (половина срока активности одного поколения). Бесспорно, усталость значительной части общества от сохранения всплеск организованного насилия накапливается и сохраняется как до, так и по прохождении данного условного хронологического рубежа. Однако в первое десятилетие способность населения, государственно ориентированных представителей власти и сил безопасности к поиску путей прекращения противостояния и примирения обычно намного выше, чем в последующие декады. Иными словами, усталость от развития вооружённого конфликта есть фактор, способствующий урегулированию, но при условии своей не чрезмерности, то есть до впадения масс людей в апатию. Социальная апатия означает массовое появление людей, привыкших осознавать действительность сквозь призму затяжной внутривосточной борьбы, когда начинает стираться национальная память о своём государстве как некогда стабильно действовавшем институте. Это в полной мере проявилось в Сомали, где вооружённый конфликт, меняя формы и ключевых игроков, развивался с конца 1980-х годов, усложняя проблему искоренения сомалийской повстанческой группировки “Аш-Шабаб” и преодоления сепаратизма Сомалиленда и Пунтленда.

По мере хронологического отдаления от начала вооружённого конфликта, в большинстве случаев в первые годы или в первое десятилетие, возрастает степень фрагментации внутривосточного ландшафта и радикализации сил антиправительственного лагеря. Иллюстрация тому – блокирование части представителей умеренной оппозиции с ИГ и запрещённой в России “Джебхат ан-Нусрой” в Сирии, сторонников независимого Азавада с “Ансар ад-Дин” и “Аль-Каидой” в Магрибе, также запрещёнными в РФ [13, S. 6–8]. При таком развитии ситуации радикализация сторон вооружённого конфликта неизбежно достигнет критической отметки, что становится отправной точкой двух сценариев: либо превращение территории страны в серую зону, полностью подконтрольную радикальным НВФ, либо, наоборот, возникает мощный импульс для оздоровления государства как института. Подобный импульс обычно формируется именно тогда, когда вооружённый конфликт ещё не перешёл в заста-

релую стадию, что часто сопровождается предоставлением антитеррористической внешней поддержки – дипломатической или силовой.

Отнюдь не безуспешные попытки не допустить перехода вспышек организованного насилия через 10-летний рубеж наблюдались в случае Ливии. Фактический распад института центральной власти в этой стране в результате военно-воздушной операции группы стран-участниц НАТО во главе с Великобританией и Францией (2011) создал предпосылки для превращения данной территории в огромную транзитную зону, которая проецирует угрозы нестабильности, прежде всего массовой неконтролируемой миграции, а также мимикрирующих под беженцев боевиков, на страны ЕС и НАТО [14, р. 1, 2]. В середине – второй половине 2010-х годов предпринимались неудачные попытки найти решение ливийской проблемы, но удалось, и то лишь отчасти, ограничить масштаб возникших рисков благодаря действиям в южной части Средиземного моря и Сахеле, укреплению отношений с сопредельными Египтом и Алжиром. В 2014–2020 гг. наблюдалась поляризация умеренных сил, вылившаяся в гражданскую войну с участием Ливийской национальной армии (ЛНА) не только как военной машины, но и системы управления во главе с фельдмаршалом Х. Хафтаром, с одной стороны, и Правительства национального согласия (ПНС) Ф. Сарраджа, контролировавшего часть Триполитании и опиравшегося на собственные войска, а ещё более на отряды союзных ПНС движений, с другой; третьей неконструктивной стороной конфликта выступали террористические группировки (ИГ и дружественные ему силы).

В случае Ливии наблюдалось весьма редкое явление *примерного равенства* потенциалов двух сил, стремившихся к восстановлению института государства, – ЛНА и ПНС (обе они имели международное признание). Попытка поколебать этот баланс в результате наступления Ливийской национальной армии весной–летом 2020 г. оказалась в целом неудачной, в первую очередь из-за существенной военной помощи, которую Турция предоставила Правительству национального согласия. Результатом стала компромиссная схема начальной национализации урегулирования – создание механизма “5 + 5” (то есть де-юре с равным представительством ЛНА и ПНС) [15], а в последующем – переходных институтов власти (Форума ливийского диалога), не имевшего тесной привязки ни к ЛНА, ни к ПНС. Сам запуск межливийского диалога и первые успешные этапы его реализации стали возможными благодаря кооперативной схеме взаимодействия ведущих стран-участниц Евро-Атлантического сообщества, в авангарде дипломатических усилий которого действовала ФРГ, с западными державами, прежде всего Россией. Так, без предваритель-

ных опосредованных переговоров в Москве 13 января 2020 г. между ПНС и ЛНА едва ли был возможен их конструктивный диалог на первой встрече в формате Берлинской конференции по Ливии 19 января 2020 г., которая открыла путь прекращению огня, примирению и формированию переходных органов власти [15]. Напротив, вторые переговоры (23 июня 2021 г.) не смогли обеспечить проведение президентских выборов в этой североафриканской стране, запланированных на конец декабря 2021 г. Одна из причин этого усматривается в стремлении государств-участников переговоров от Запада минимизировать роль РФ [16], то есть отойти от кооперативной схемы обеспечения безопасности: десинхронизация усилий не позволила обеспечить необходимого стимулирующего воздействия на процесс урегулирования в вопросе создания и легитимизации постоянных властей страны. Безусловно, значим и внутренний фактор: правительство А.-Х. Дбейбы не смогло сформировать консолидированной вертикали власти и успешно провести подготовку к выборам, что, однако, не может быть в полной мере понято без учёта указанных внешних обстоятельств.

Если в случае Ливии военные (сгруппировавшиеся во главе с Х. Хафтаром в составе ЛНА) играли роль одного из элементов процесса перехода к национализации урегулирования, то в случае Мали (и с высокой долей вероятности Буркина-Фасо) они стремятся быть ключевым игроком. В условиях мощного наступления сторонников независимого Азавада (2012), среди которых резко усиливалось влияние террористических группировок (особенно “Ансар ад-Дин”), армейские чины пошли на силовое отстранение тогдашнего президента с последующей передачей власти переходным гражданским властям. На фоне проведения военно-силовой операции Франции “Serval” (2013–2014), а затем “Barkhane” (2014–2021), параллельно функционирующих миссий MINUSMA и EUTM Mali в этой стране Сахеля были сформированы постоянные органы власти во главе с президентом И.-Б. Кейтой (избран в 2013 и 2018 гг., во втором случае выборы проходили уже на всей территории страны).

Однако первоначальные успехи – договорённости о прекращении огня с действительно умеренными туарегами (июнь 2014 г.) и соглашения о примирении (15 мая и 20 июня 2015 г.) – не были реализованы в достаточной мере. С одной стороны, несмотря на принуждение со стороны Франции и Германии, руководство в Бамако не стремилось наделять расширенными полномочиями муниципальные органы власти на севере Мали [4, S. 9–11], то есть осуществлять федерализацию части страны как условия сохранения её единства и полного отхода от формулы независимого Азавада. С другой – частичное умиротворение в север-

ных провинциях сочеталось с перетоком боевиков незаконных вооружённых формирований на считавшийся относительно спокойным юг, особенно в сопредельные с Буркина-Фасо районы [4, S. 5, 6]. Одной из основных причин наблюдавшейся здесь в конце 2010-х годов существенной деградации обстановки были грубые просчёты центрального руководства в использовании войск: они, прежде всего вновь реорганизованные и обученные миссией EUTM Mali части батальонного уровня, применялись мелкими подразделениями. Таким путём власти во главе с И.-Б. Кейтой стремились исключить риск новой силовой смены власти, однако добились обратного результата — такая смена произошла 19–20 августа 2020 г. Назначенные вскоре высшие гражданские представители переходных органов управления страной во главе с Ба Ндао, в свою очередь, были отстранены от власти 23–24 мая 2020 г. теми же военными чинами. Этот процесс отчётливо иллюстрирует стремление малийских военных взять нити управления урегулированием в свои руки, сосредоточившись на антитеррористической борьбе и профилактике. Притом другая задача — автономизации севера Мали — не может быть снята с повестки дня, поскольку, не будучи решённой, она создаёт предпосылки для сепаратизма.

Представляется, что утвердившиеся у власти в Мали военные (как и в Буркина-Фасо после силовой смены власти там в январе 2022 г.) могут попытаться пойти по пути Сирии и особенно Египта, опробованному ещё в эпоху “арабского национализма”: легитимизировать собственные полномочия, расширив свою ответственность как гарантов внутренней безопасности и стабильности. В 2021–2022 гг. наблюдалось стремление новых властей Мали к предельному сокращению присутствия на их территории стран-участниц Евро-Атлантического сообщества, прежде всего Франции, которые воспринимались в качестве игроков, не способных помочь Мали добиться успехов в урегулировании. Под влиянием сменившихся властей страны Пятая республика пошла на свёртывание операции “Barkhane” (2014–2021), а затем и “Takuba” (2020–2022, с использованием потенциала ЕС), выводя войска в соседний Нигер, а деятельность военно-тренировочной миссии ЕС была в апреле 2022 г. заморожена (с декларацией обратимости и временного характера данного решения со стороны государств-членов Европейского союза) [17, S. 6–8].

Примечательна схема национализации урегулирования в Афганистане: ключевую роль в нём приняло на себя местное движение “Талибан”, относимое к числу радикальных, связанных с конца 1990-х годов с “Аль-Каидой”, и бывшее безусловно оппозиционным в 2001–2021 гг. Власти в Кабуле и весьма значительные силы безопасности, созданные в период деятельности

ISAF¹ (параллельно с этим проходила военно-силовая операция США и группы их партнёров “Enduring Freedom”; 2001–2014) и продолжавшие усиливаться уже в период функционирования миссии “Resolute Support” (2015–2021), оказались не способны взять на себя ответственность за обеспечение порядка в стране. Частичное признание этого со стороны США было зафиксировано в сделке между администрацией Д. Трампа и “Талибаном” от 29 февраля 2020 г. (предполагала полный вывод иностранных войск в течение 14 месяцев), полное — в условиях принятия и осуществления окончательного решения уже аппарата Дж. Байдена о свёртывании присутствия США в Афганистане к 11 сентября, а затем 4 июля 2021 г.

В чём проявились признаки попыток “Талибана” перейти к национализации процесса урегулирования, приняв на себя доминирующую роль? Во-первых, это масштаб, результативность и сроки наступления движения весной–летом 2021 г.: стремительно подчиняя одну провинцию за другой к югу, востоку и западу от Кабула, талибы без особого противодействия смогли установить контроль над самим городом (середина августа 2021 г.) и достаточно быстро подавили очаги сопротивления на традиционно оппозиционном им севере. Во-вторых, “Талибан”, особенно с начала 2020-х годов, стал позиционировать себя не в качестве исключительно пуштунского, но общенационального движения, вовлекая в ряды своих сторонников представителей большинства этнических групп (в том числе таджиков и узбеков), за исключением лишь хозарейцев. Наконец, в-третьих, талибы уже с 2017–2018 гг. повели жёсткую борьбу с “Исламским государством” на территории Афганистана, преимущественно в северной его части. Вместе с тем полностью ликвидировать отряды ИГ в Хорасане им не удалось [18]. Принципиальным является вопрос об отношении “Талибана” в новых реалиях к “Аль-Каиде”: без пересмотра дружественного или как минимум нейтрального отношения к этой террористической группировке превратиться в лидера афганского урегулирования было бы сложно. Сценарий отмежевания “Талибана” от радикальных сил, которое отнюдь не исключено, и в целом его стремление выстроить нормально функционирующий государственный аппарат выдвигает на первый план вопрос о трансформации этого движения из радикального в умеренное.

¹ Международные силы содействия безопасности — возглавляемый НАТО международный войсковой контингент, действовавший на территории Афганистана с 2001 по 2014 г.

ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ В АЗИИ И АФРИКЕ: ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ХОЛОДНЫХ ВОЙН

Развитие ситуации в зонах нестабильности на современном этапе не может быть объяснено без учёта реалий двух уже отмеченных конфронтаций: во-первых, между Евро-Атлантическим сообществом и РФ, во-вторых, между США, группой их государств-партнёров и КНР. Логика предшествующей холодной войны — так сказать, классической — обуславливала стремление государств “первого” и “второго” мира, включая сверхдержавы, к поиску скорейшего успокоения или как минимум жёсткого контроля ситуации в зонах локальных вспышек организованного насилия в третьих странах — иначе они могли перейти в региональные конфликты, а далее — в войну глобального характера с катастрофическими последствиями для всех сторон. Работает ли данная схема применительно к современности? По нашему мнению, лишь отчасти. В наибольшей мере это характерно для вспышек организованного насилия, географически расположенных между границами сторон-участниц конфронтации — в Европе, в Восточной Азии.

Что касается вооружённых конфликтов в северной части Африки, на Ближнем и Среднем Востоке на их возникновение и разрешение, как представляется, влияют три фактора стратегического характера.

Во-первых, в современных реалиях наличествуют не одна, а *две холодные войны*, в реалиях начала 2020-х годов отнюдь не демонстрирующие тенденцию к слиянию в единый процесс. Имея ряд общих черт, каждая из конфронтаций всё же обладает отличительными особенностями: так, масштаб и скорость выстраивания странами Запада системы сдерживания России в военном и политическом отношении пока выше, чем КНР. В сопоставлении с континентальным Китаем Россия в середине 2010-х — начале 2020-х годов существенно более активно использовала свои оборонные и дипломатические возможности для борьбы с террористической угрозой на Ближнем Востоке и севере Африки и для урегулирования вооружённых конфликтов в целом.

Во-вторых, по мере отдаления от момента старта обеих конфронтаций (2014) *возрастает их сдерживающее (негативное) влияние*, а именно, снижается готовность государств-членов и институтов Евро-Атлантического сообщества к выстраиванию кооперативных схем безопасности с западными державами. Данная тенденция сохраняется, по крайней мере, на краткосрочную перспективу — до времени наступления состояния разрядки как минимум для одной из конфронтаций.

Участие стран-участниц НАТО и ЕС в выстраивании системы сдерживания незападных держав (прежде всего РФ, но также КНР и ИРИ) существенно ограничивает те потенциальные ресурсы (особенно военно-людские и финансовые), которые нужны государствам Запада для сохранения присутствия в зонах вооружённых конфликтов и необходимого уровня контроля над их развитием. Во второй половине 2010-х годов эта тенденция была обусловлена формированием сети ротационных группировок передового развёртывания НАТО в Восточной и Северной Европе, численностью войск, предназначенных для использования в составе сил быстрого реагирования альянса, а также его оперативно-тактических резервов. Приостановленный в самом конце 2010-х годов, данный процесс вновь может активизироваться в следующем десятилетии.

Ещё одним ограничителем миротворческой активности становится участие не только США и их партнёров в Восточной Азии, но и стран ЕС в выстраивании системы сдерживания КНР. Со второй половины 2010-х годов наблюдается нарастающее увеличение всех количественных характеристик вооружённых сил (личного состава, единиц вооружений и военной техники, объёмов финансирования) стран-участниц “коллективного” Запада, нацеленное на преодоление проблемы нехватки войск в зонах нестабильности вне зоны ответственности Североатлантического альянса [19]. Так, Франция не могла одновременно использовать для проведения операции “Serval” более 4–5 тыс. военнослужащих, как и для сменившей её операции “Barkhane” [20, с. 120; 21], хотя последняя миссия была развёрнута на территории не только Мали, но и стран “сахельской пятёрки” (Буркина-Фасо, Мавритания, Нигер, Чад) в целом. Одной из причин резкого сокращения присутствия в Афганистане ещё до начала операции “Resolute Support” стала необходимость перенаправления части ударных подразделений и лучших военных инструкторов в Сахель. У Германии военное присутствие на территориях нестабильности за пределами зоны ответственности НАТО сократилось с более чем 7 тыс. в начале 2010-х годов [22, S. 8–11] до 2.4 тыс. по состоянию на декабрь 2021 г. [23]. Наконец, одной из ключевых причин сокращения численности военного персонала ISAF (при администрации Б. Обамы), а затем и решение Д. Трампа пойти на сделку с “Талибаном” видится стремление высвободить военные силы и средства для усиления сдерживания РФ и КНР.

По нашим расчётам, выход на показатели периода до 2014 г. — по объёмам и, что не менее важно, числу миссий с активным участием стран-участниц Евро-Атлантического сообщества, их географическому диапазону в зонах нестабильности — возможен лишь в долгосрочной перспекти-

ве. С одной стороны, это обусловлено определённой инерционностью восстановительного роста большинства стран-участниц НАТО, особенно континентальных европейских государств. Ещё более важно иное: размеры военных подразделений, выделяемых и требующих резервирования для использования в составе группировок альянса внутри его зоны ответственности, весьма велики, имея в виду современную и будущую (как минимум до начала 2030-х годов) численность вооружённых сил западных стран в целом. Сейчас траектория развития их военных машин перенацелена с фокусного использования сил кризисного реагирования (в основном в районах локальных вооружённых конфликтов) на наращивание потенциала войск общего назначения, заточенных на применение внутри зоны ответственности НАТО. С другой стороны, исключительное значение имеет сложность восстановления присутствия на ряде направлений, где оно было утрачено полностью (Афганистан), сокращено до минимальных показателей (Сирия) или оказалось под угрозой демонтажа (Мали) как следствие *национализации урегулирования*.

В случае Ливии расширение наземного военного присутствия в реалиях начала 2020-х годов представляется маловероятным. Так, на фоне первых успехов Берлинской конференции страны-участницы Евро-Атлантического сообщества ограничились запуском военно-морской миссии “IRINI”, которая выступала приближенной к побережью модификацией предшественницы — “Sophia” [24]. Неся разноплановый ущерб — имиджевый, геополитический, финансовый (в случае вложения средств в подготовку правительственных войск, оказавшихся небоеспособными), государства-члены Евро-Атлантического сообщества вынуждены отказываться от обеспечения безопасности на дальних рубежах в пользу сил, берущих в свои руки управление урегулированием. Возможности компенсации утрачиваемых стратегических позиций присутствием на сопредельных территориях (размещение части сил стран Запада в Иордании вместо Сирии, перспективы их наращивания в Нигере на фоне утраты влияния в Мали и Буркина-Фасо) есть далеко не всегда. Причём передислокация зачастую позволяет восстанавливать своё влияние лишь частично — как в количественном, так и особенно качественном отношении.

Наконец, в-третьих, значим фактор *деградации обстановки*, степени этого процесса как в отдельно взятых зонах нестабильности, так и на территориях конфликтов в целом. Так, в первый год после начала операции ВКС РФ в Сирии (осень 2015 г. — осень 2016 г.) страны-участницы ЕС и НАТО не очень внятно критиковали действия нашей страны, хотя они были не просто параллельными, но в значительной мере заменяли

на этом направлении II западную антитеррористическую коалицию. В то время государства-члены Европейского союза были заинтересованы в том, чтобы снизить остроту миграционного кризиса и террористической опасности внутри объединения, в том числе посредством использования поддержки России, хотя де-юре её роль никогда не признавалась.

Сложность решения ливийской проблемы обусловила готовность к тесной координации усилий стран Запада, особенно Германии, с Россией на этапах подготовки и запуска Берлинской конференции. Однако в последующем, по мере резкого уменьшения масштаба угроз, проецируемых с территории Сирии и Ливии, готовность стран Запада к сотрудничеству с РФ резко снизилась. Неслучайно в Стамбульском формате — Россия, германо-французский тандем, Турция — встреча по поддержке межсирийского диалога оказалась разовой (октябрь 2018 г.) [25], а полноценный диалог по идлибской проблеме (связанной с сохранением остатков “умеренной” оппозиции, фактически вступившей в тесные контакты с радикальными НВФ) так и не был начат. По схожему сценарию, имея в виду отказ от сотрудничества в пользу весьма ограниченного по характеру и масштабам взаимодействия, развивалась координация усилий между державами НАТО и Россией на Берлинской конференции по Ливии в 2020–2021 гг.

* * *

В начале 2020-х годов, в отличие от середины 2010-х, локализована глобальная “дуга нестабильности”. Она представляет собой пояс зон реальных и потенциальных конфликтов от Центральной Азии до Западной Африки. Её ростнем является активность ИГ как наиболее организованной террористической структуры, а также дочерних и перешедших под эгиду ИГ радикальных НВФ. Ограничить пространство нестабильности удалось благодаря достаточно эффективному противодействию официальных властей государств, охваченных конфликтами, и активизацией участия в процессе урегулирования группы западных стран. Результаты усилий государств-членов Евро-Атлантического сообщества оказались менее эффективными, что нередко ведёт к свёртыванию их стратегического присутствия в регионе, когда оно объективно не согласуется с национализацией урегулирования.

Рост внутреннего самосознания населения в стране происхождения конфликта, способствующий умиротворению и дерадикализации, не имеет альтернативы как эффективный путь ликвидации очагов организованного насилия. В поддержку этого процесса должны не только де-юре, но и де-факто направляться усилия заинтересованных

международных игроков, в том числе западных стран, даже если такие действия вступают в противоречие с эгоистическими государственными интересами по сохранению их стратегического присутствия в том или ином регионе: выгоды от ликвидации конфликтных зон несопоставимо выше для всего международного сообщества. Однако в условиях развития новых холодных войн понимание этого обстоятельства часто приглушается.

Методически содействие национализации урегулирования предполагает поиск путей активизации многосторонних усилий при решении задач по миротворчеству и поддержанию мира. Имеются в виду оптимизация сроков прекращения конфликтов (особенно на обширных территориях) и реформа сектора безопасности в странах происхождения конфликта. Такой подход не следует понимать как призыв к отказу от помощи внешних участников урегулирования, как стремление пустить этот процесс на самотёк. Речь идёт о нахождении предельно рациональных методов и мер урегулирования различных конфликтов, учитывающая исключительную и нарастающую сложность управления ими, а также необычайную трудность задачи полного и необратимого разгрома структур международного терроризма, представляющих экзистенциальную угрозу современному миропорядку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/
2. *Фитун Л.Л.* Культурно-идеологические процессы в регионе Ближнего Востока и проблема терроризма сквозь призму предиктивной аналитики // *Контуры глобальных трансформаций*. 2017. № 2. С. 110–127.
3. *Манойло А.В.* Конфликт в Сирии и внешняя политика России // *Актуальные проблемы Европы*. 2020. № 2. С. 145–172.
4. Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080, 25.03.2020.
5. *Новикова О.Н.* Терроризм в тени пандемии // *Актуальные проблемы Европы*. 2022. № 1. С. 180–198.
6. *International Conflict Resolution / C. Hauss (ed.)*. NY: Continuum International Publishing Group INC, London: Continuum International Publishing Group Ltd., 2010.
7. *Ходынская-Голенищева М.С.* Сирия: трудный путь от войны к миру. М.: Грифон, 2018.
8. *Дэвидсон Ф.Б.* Война во Вьетнаме (1946–1975). М.: Изографус, Эксмо, 2002.
9. <https://tass.ru/politika/674855>
10. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte – Stabilisierung sichern, Wiedererstarben des IS verhindern, Versöhnung fördern in Irak und Syrien. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/22207, 09.09.2020.
11. *Steinberg G., Albrecht A.* Kurden unter Druck: Die Folgen des US-Truppenabzugs für den PKK-Ableger in Syrien // *SWP-Aktuell*. 2019. Januar. № 4. S. 1–8.
12. *Звягельская И.Д.* Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке – невыносимая хрупкость бытия // *Контуры глобальных трансформаций*. 2017. № 2. С. 97–109.
13. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungsmission EUTM Mali. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/437, 05.02.2014.
14. *Hanish M.* A new quality of engagement Germany's extended military operation in northern Mali // *Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper*. 2015. № 8. P. 1–5.
15. Waffenruhe für Libyen. 19.1.2020. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310>
16. Zweite Berliner Libyen-Konferenz: Neue Phase für Frieden in Libyen. 23.06.2021. <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/libyen-node/zweite-libyen-konferenz/2467338>
17. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761, 11.05.2022.
18. *Steinberg G., Albrecht A.* Terror gegen die Taliban // *SWP-Aktuell*. 2022. Februar. № 8. S. 1–8.
19. https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49198.htm
20. *Сидоров А.С.* Франция в Сахеле: текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // *Актуальные проблемы Европы*. 2018. № 4. С. 116–137.
21. *Сидоров А.С.* Стратегический тупик в Сахеле: от встречи в По до встречи в Нджамене // *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2021. Выпуск 62 (78). С. 22–27.
22. *Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J.* Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018.
23. Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr (Stand: 13. Dezember 2021). <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/>
24. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der durch die Europäische Union geführten Operation EUNAVFOR MED IRINI. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/27661, 17.03.2021.
25. Syrien: Lösung kann nur politisch gelingen. 27.10.2018. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/syrien-loesung-kann-nur-politisch-gelingen-1542644>